

Дмитрий Луг

На Лугу бескрайнем

Озарение

Дмитрий Луг

На Лугу бескрайнем. Озарение

«Издательские решения»

Луг Д. Н.

На Лугу бескрайнем. Озарение / Д. Н. Луг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-015787-7

Поэтическая философия Дмитрия Луга раскрепощает душу и несёт первозданный свет, где добро неизменно побеждает. Стихи автора открывают неизведанные пути Вселенной, наполняют сознание силой метафор и чистотой образов. Из глубины мысли и яркого авторского языка вырастает своеобразный стиль и новое направление абстрактно-чувственной поэзии.

ISBN 978-5-04-015787-7

© Луг Д. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
На лугу бескрайнем	7
Я пишу, чтобы...	8
Давайте познакомимся, читатель	9
Если Бог простит – Благословение Луга	12
Где невиданных изумрудов пядь	13
Небо	14
Озарение	15
Я себя не помню	16
Волк – одиночка	17
Идиот с того света	18
Враньё	19
Многотомник времени	20
Последняя война	21
Придётся многое отдать	22
Творение	23
Вселенная Катрин	24
Мир непостижный	27
Монастырь	28
Обитель	29
Мой демон поэтичный	30
На аренах нетленного зодчества	32
Чёрный поэтант	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

На Лугу бескрайнем Озарение Дмитрий Николаевич Луг

© Дмитрий Николаевич Луг, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дмитрий Николаевич Луг родился 12 сентября 1970 года в городе Ангарске Иркутской области.

Ничто на свете не одухотворяет так, как живая Поэзия. Ради этого стоит творить и искать – авторов, которые говорят о том, что интересно и близко. Стихотворения, в которых зашифрован код мира и тайные смыслы Вселенной.

Поэзией задумано, что во все времена, какими бы прагматичными они ни казались, в мир приходят стихи – правдивые, нежные, философские, бескомпромиссные. И сияют. И чем больше в них жизни – тем ярче сияние.

Читая Дмитрия Луга, понимаешь, что ты – лишь точка в бесконечном пространстве. Попутчик миллионов других точно таких же точек – наивных, счастливых, измученных, нашедших путь к источнику.

Наш общий маршрут – Жизнь, где каждый день легко взбегает по лесенке солнце, а осенью идут дожди. Где реальность оборачивается обратной – параллельной стороной, а параллельные миры становятся простыми и доступными. И в этом интуитивном прозрении – упительное счастье. Об этом стихи Дмитрия Луга.

В них – великая сила добра, неудержимо щедрая в потоке образов и глубины, и каждое стихотворение – загадка, в разгадывании которой открываются истины, недоступные ученым и философам.

Стихи Дмитрия Луга – для тех, кто не боится на «неокрепших ногах» выйти к заповедным мирам – «Чтобы всем нам дела с чистотой завершить и родиться опять без сомнений и жажды».

Екатерина Суровцева

На лугу бескрайнем

На лугу бескрайнем вострепелась зелень,
Пробежался ветер шелестом весенним,
Слёзы пьют ромашки солнца золотого —
Утро наступило в мире грёз бездонном.
Васильки кружатся веяньем ласкаясь,
Лютики вспорхнули маргариткам каясь,
Донник ароматный пёстро заискрился,
Возле незабудок весело обвился.
Колокольчик яркий балом управляет,
Выгнется, трепещет, шапочкой кивает.
Клевер розоватый пижму обнимает,
Зверобой с очанкой в страсти полыхают.
Морем разливают луг цветов всеильный —
Стелет, приглашает и живёт обильно.

Я пишу, чтобы...

Я пишу, чтобы жизни волшебная нить
Не порвалась, не стлела по чьей-то указке —
Чтобы ради чинуш кровь людей зря не лить,
Не стирать больше детские яркие сказки.

Я пишу, чтобы матери милых детей
Не теряли в потоках больших городов,
Чтобы знали всегда и повсюду теперь —
Мы все вместе и связаны музыкой слов.

Я пишу, чтобы больше никак не забыть,
Что живём мы в гостях здесь и только однажды.
Чтобы всем нам дела с чистотой завершить
И родиться опять без сомнений и жажды.

Я пишу, чтобы мир стал светлей и добрей
Под одним ярким солнцем Вселенной —
Чтобы русский, кавказец, монгол и еврей
Жили в счастье до ста поколений.

Я пишу, чтобы дети любили отцов-матерей
За прекрасное детство и юность беспечную —
Чтобы не было в доме холодных печей,
И тепло поднималось в даль вечную.

Я пишу, чтобы братья и сёстры обнялись,
Сбросив тяжесть обид, козней каверзных лет —
Чтобы милые сердцу никогда не расстались,
Счастье помнило «да» и не слышало «нет».

Я пишу, чтобы жители нашей земли
Не кляли, не казнили, не хаяли —
Чтобы путь до заветной вершины прошли
И к пристанищу вместе причалили.

Я пишу, чтобы всех вас обнять, полюбить
И вселить в ваше сердце надежду и ласку —
Чтобы души людей наизнанку раскрыть,
Снять навеки презренную, лживую маску.

Давайте познакомимся, читатель

Давайте познакомимся, читатель.
В эту интимную минуту для двоих
Я карты приоткрою вам, приятель,
О проявлении наклонностей своих.

Держите краба, то есть мою руку,
И заходите прямо ко мне в дом.
Я весельчак и разгоняю скуку —
Скулить и хныкать не умею, влом.

Присаживайтесь, а ещё получше —
Разваливайтесь, где душа велит.
Чай наливайте и берите сушек —
Согрейтесь, взбудоражьте аппетит.

А дальше, не стесняясь, ешьте, пейте —
Всё, что по нраву, чем заполнен стол.
Закиньте ноги поудобней, не робейте,
И дайте постирать мне ваш камзол,

А может, платье – это вовсе в кайф!
Сверх меры друг готов вам угодить!
И вы пока испытывайте драйв,
Я в это время буду кушанье мудрить.

Вот он, салатик рыбный и под шубой.
Здесь шашлычок румяный из овцы.
В горшке пельмешки ароматной грудой —
В бульоне сварены, и к ним хлебцы.

А тут колбаска крупными ломтями,
Голландский сыр, резной батон с икрой.
В графине изумрудно плоскостями
Переливает клюквенный настой.

Конфеты, вафли, шоколад, печенье...
Из фруктов – яблоки, бананы и арбуз.
Вы угощайтесь – вау! Брусничное варенье!
А я пойду, почищу вам картуз.

Позвольте поухаживать за вами,
Ведь это честь, поверьте, неспроста —
Теперь мы будем долгими часами
Сидеть и слушать байки у костра.

А не хотите там, так у камина,
И даже вместе на байдарке поплывём.
Или под тополем, берёзой и осиной
Поговорим о настоящем и былом.

Заглянем в будущее на немножко
Или на много — тут как масть попрёт.
Да, вот ещё сготовилась картошка —
Вы кушайте, а я начну отчёт...

Насколько хватит моего терпенья —
Настолько можете уверенными быть,
Что доведу до беспредельного каленья
Ваши мозги, заставив всё забыть.

Как много у меня внутри запала,
Так долго буду факелом пылать —
Непроходимую дорогу без привала
Готов вам днём и ночью освещать.

Покуда вы со мной идёте рядом,
До той поры я двигаться готов —
И помогать вести вас словом, взглядом,
И радовать стихами всех сортов.

Пока мы будем вместе развлекаться —
До одуренья можно всем скакать,
Шуметь, кричать, резвиться и смеяться —
Хоть сам не плачу, но начну рыдать.

Как далеко шагнём, держась за руки —
Не знаю и не стану предвкушать.
Догадываюсь, ждут нас страсти, муки,
Любовь, искус, грехи начнём прощать.

Чем больше я успею для вас сделать —
Тем счастлив буду здесь же и сейчас
Писать, читать и снова ошалело
Свой пополнять безудержный запас.

И сколько даровал мне Бог таланта —
Вот столько песен людям и раздам.
И не ручаясь подписью гаранта,
Боюсь солгать, до капли всё воздам.

Уж от меня не скроетесь, читатель —
Теперь мы квиты телом и душой.
Вы — моих книжек стали пожиратель,
А я — тот, кто вас сыщёт под землёй.

Позвольте же откланяться вам в ноги
И разрешите также пригласить —
Когда хотите, заходите в гости —
По новой будем есть, пить и тусить.

.....

На самом деле мой герой – философ,
Уединившийся в святилище старинном.
Не признающий общества доносов
Монах, сжигающий себя адреналином.

Век восемнадцатый ещё никто не отменял,
Но жизнь и космос не стираются с годами.
И в скором времени, отмерив интервал —
Я через тыщу лет опять вернусь за вами.

Дмитрий Луг

Если Бог простит – Благословение Луга

Если Бог простит – пусть затихнет плач.
Если Бог простит – будь калач горяч.
Если Бог простит – пусть встаёт заря
И с восходом дня, пусть хранит тебя.
Если Бог простит – пусть журчит вода.
Если Бог простит – пусть растёт еда.
Если Бог простит – пусть всегда светя
Солнце льёт лучи и хранит тебя.
Если Бог простит – пусть земля родит.
Если Бог простит – пусть огонь горит.
Если Бог простит – пусть в закате дня
Колыбель поёт и хранит тебя.
Если Бог простит – пусть моря живут.
Если Бог простит – пусть луга цветут.
Если Бог простит – значит, в мир войдя,
Ты любил, творил и дышал не зря!

Где невиданных изумрудов пядь

За пределами полей атласных
Загораются зори властные.
Благостью журчат родники степей
И несут слезу грунтов ласковых.
Где невиданных изумрудов пядь,
Бархатистыми елей лапами
Разгонял тоску, бясь с сатрапами —
Умирал, вставал и возрастал опять.
Разрумянится ширь вольготная,
На лугах в стогах сложим колыбель —
Ты моя Лелей, радости поверь,
Не дрожи, скажи, прелесть потная.
Удаль бравую из ростков поднять,
Край родной, войной искалеченный —
Дева ждёт весной срок намеченный,
И платком седым машет в поле мать.

Небо

Взгляд уносит сияющим веяньем
За ландшафты 3D-гиперплоскости —
И польётся астрал вострознением,
Уловив чуткость виденьем чёткости.

И рукой довершив строгость линии,
Склеим два полушария вечности —
Нижний слой земляного растления
С верхним миром свободной беспечности.

И отрекшись от давящей склочности —
В переход невесомой градации,
Как младенцы в период молочности,
Вновь откроем дары навигации.

Перелётом фантазий пространственных
Иллюзорность расчертим абстракцией —
Голубого холста небес плазменных
Станем мысленной космосубстанцией.

Озарение

Для сердца милого ишу успокоение
В отраде шалостей запутанных дорог,
Но не приходит, не сверкает озарение,
Лишь отзывает болью череда невзгод.
Устами падкими зовёшь в темницу радостей,
Глазами ясными мольбы печали шлёшь,
И тянут клещи искушеньем редких сладостей,
Вкушение коих без потери не возьмёшь.
Намаявшись в слепом негодовании,
Посеребрят цветы замудренных висков —
Откроет кладезь в истинном призвании,
Освободив от тяжести оков.

Я себя не помню

В глубине чертога задрожат камни,
Расщеперит створки адское ущелье.
Пламя ввысь взметнётся языком наружу —
Я себя не помню ни в жару, ни в стужу.

Лишь глаза открою и увижу небо —
Вот на ту планету улететь скорей бы!
Здесь теперь я призрак без души и нервов —
Кто подскажет, где мне взять внутри резервов?

Имя растворилось в прошлых снах потоком,
В жизни стало как-то слишком одиноко,
Но сидит на ветке птица расписная —
Вьёт гнездо голубка – вестница из рая.

Протяну в ладони дольку апельсина,
До чего же труден путь блудного сына!
Подожду немного прибавленья силы,
Дотянусь, быть может, до плывущей ивы.

Холодком потянет свежее оконце,
Забежит за тучи голубое солнце,
Дождик отшлифует на асфальте лужу —
Пусть мой мир узнает и жару, и стужу.

Как в дурмане маков целовал Наташку —
Шёл на амбразуру грудью нараспашку.
Манит хлебом прелым матушка-Россия,
Так лети же камнем в пропасть, амнезия.

Волк – одиночка

Родился он, как призрак лунной ночью,
И заскулили по холмам степные лисы —
Пронёсся слух, что появился одиночка,
И зашушукались в полях большие крысы.

И был он тем, кого так долго ждали.
Гиены завизжали, выгнув спины,
И волки сбились кучей в одну стаю,
Почуяв, что тот зверь им не под силу.

А в логове вождя, прильнувши к сиське,
Лежал щенок с закрытыми глазами.
Он набирался сил, готовясь к битве —
Ведь это тот, кого так долго ждали.

*Чтобы жить – бороться нужно при жизни. Чтобы умереть –
бороться не нужно. Когда придёт смерть – бороться будет бесполезно...*

Идиот с того света

Он умер трижды не попад и снова ожил,
Ткнул в землю пальцем наугад и скорчил рожу,
Надел бахилы на ступни и взял котомку —
Ведь снова в дальний путь идти ему к потомкам.

Зарница в небе разожгла лучи рассвета,
А он побрёл опять туда, где мало света —
В краю пурпурных покрывал самец койота
Призывно глотку свою рвал, начав охоту.

На небе в дымке голубой кружила птица.
За приграничной полосой стоит столица —
Он шёл туда, чтобы принять толпы удары,
Ведь жить осталось ерунда, а сделал мало.

Никто не ждал его уже, а он явился,
Чтобы жестокий люд опять повеселился —
Стоит у всех он на устах и сеет страхи,
Несущий правду идиот, подобный птахе.

Орава снова завопит – убить правдивца.
Спокойно жить им не даёт он кровопийца.
Опять зарюют его там, где зреют маки
Или багульник и каштан посеют злаки.

Красиво птицы запоют на месте казни.
Поляна дивно зацветёт цветами страсти.
И снова встанет идиот и путь продолжит,
Пока затравленный койот овчину гложет.

Он не умрёт и будет жить, борясь за веру —
Добро воистину сильно создать новеллу.
И вновь ворвутся в лживый мир потоки правды,
И удалит святой кумир проклятья гланды.

Враньё

Возвратится ли день тот забытый,
Когда птицы весельем шумны,
Зверь ходил непугливый и сытый,
И был свергнут престол Сатаны.
Люди жили устами природы —
Берегли и хранили её.
Не терзали друг дружку народы
И не знали, как пахнет враньё.
Но сегодня совсем по-другому —
Мир свихнулся и катится вниз.
Всё подвластно проклятью дурному,
Серой тенью антихрист навис.
И безжалостно вторят расизму,
Делят классы на лучших и нет —
Это всё равнозначно садизму...
Вот таким сейчас стал белый свет.

Многотомник времени

Расправляю многотомник времени,
Закладочки расставляю по краям
И тыльной стороной седого темени
Прочту чуть слышно – «аль Омар Хайам».
Втяну ноздрями сотканые строки
Про Бога, вечность, лживость и вино —
Забуду в этом мире граней сроки,
В которых мне запутаться дано.
И распахнутся двери Нишапура,
Откроют дар величественных слов —
Прозрением польётся сигнатура,
Вытаскивая из заблудших снов.
Куёт кузнец песнь праведных истоков,
Распишет стены в звучные бруски —
Внемлю устами мудрости пророков,
Состыковав рубаями мостки.

Последняя война

Разорвалось солнце. Всполыхнуло небо.
Полетели звёзды врассыпную слепо.
Тлеют степи дымом. Молнией разряды...
Смерть последним маршем раздаёт награды.

Опустился наземь дьявол шестиликий,
Растоптал нещадно землю в прах великий —
Полчища направил свергнуть человека.
Полилась кровавой пеной – война века.

Нет в ней ни морали, ни устоев жизни,
Правды нет, печали, радости и смысла —
Суждено погибнуть здесь всему живому.
Лишь пустое место, и не быть другому.

Уничтожит землю разум, нас родивший.
Уберечь бы, люди, Божий сад поникший.
Удержать бы счастье, данное вселенной.
Нет другой планеты, где всё так бесценно!

*Да, смерть неизбежна... Но тем и интересней
становится наша жизнь!*

Придётся многое отдать

Радеете. Нутро паскудством греет?
Ну что же, зачерпните благодать —
И млейте от того, как скатерть стелет
Лакей, вас приглашая пировать.

А жизнь — она жестока и не мнима,
Богатством счастье не облобызать.
Правдивая разыграет пантомима —
На высший суд придётся всем предстать.

Сокровища закрыты дланью божьей,
И видит всё Всевышний свысока —
Как дервиш греет душу в бездорожье
Иль плутократочка валяет дурака.

Не рвите в беспорядочном снобизме —
Сотрите дни бессмысленной судьбы,
Даруйте милость в радужном трагизме,
Наполните мир серой пустоты.

Не злато от оков свободой дышит.
Чтобы воистину счастливым стать,
Христа просите — Он мольбы услышит,
Но вам придётся многое отдать.

*Прими душой паскудство бытия,
Начни любить христовыми глазами.
И в хламе ты найдёшь большое Я,
А в храме — светлый дом под образами.*

Творение

Шалит в Небесной чародейка,
Как вспыхнет, так и загрустит —
Закружит каверзная змейка,
На солнце глянцем заискрит.

Жить в темноте не научилась,
Нет мрака в лепетной душе —
И чистым помыслом лучилась,
Раскрыв мираж в карандаше.

Кристалльных ангелов взывая,
На холст плеснула вещий сон —
В разливах красками блуждая,
Творит пассажи чудный тон.

Вокруг мир скрылся облаками,
Прошла тревога с дивных глаз.
Течёт пергамент родниками,
Рождая вечностный соблазн.

Сюжет стихией акварельной
Разбудит сладкий саксофон,
И звон иконы колыбельной
Среди рисованных колонн.

Вселенная Катрин

*Посвящается Екатерине Суровцевой – моему лучшему другу.
Отправляю ей послание из своего параллельного мира. Знаю, что мы всегда
будем вместе...*

Блуждая как-то в жизненных потёмках,
Я был уже давно совсем один,
Не думая тогда, что волей Божьей
Открою вдруг Вселенную Катрин.
То чудо, о котором расскажу вам,
Никто ещё не видел – никогда.
Оно внутри глубин невероятных.
И для людей закрыто на века.

Его нельзя пощупать и погладить.
К нему приблизиться нельзя и внутрь залезть.
Пусть я сошёл с ума, но этот кладёзь —
Единственное, что у меня есть.
И это не легенды и не сказки,
И не обитель тайных мудрецов,
И не сокровища, не рай, не конь троянский,
И не тем более – причуды от глупцов.

Как меркнет солнце, по ночам сменяясь
Чарующей луной, и повторяет такт,
Так рядом с нашей голубой планетой
Живёт нежнейший ангельский экстракт.
Бывает временами он потухшим,
Не вызывая чувства ни к чему.
Но вдруг взорвётся пламенем искрящим,
Мгновеньем ярким озаряя путь.

И это волшебство не понаслышке —
Оно присутствует здесь, рядом и сейчас.
Такое лишь подобно сильной вспышке,
Которую мы держим на устах.
И демоны бессильны в лютой злобе,
И звёзды зажигают серпантин,
Когда за горизонтом в небосводе
Льёт радугу Вселенная Катрин.

Читайте эти строки осторожно —
С любовью, с нежностью прочтите до конца.
Есть параллельный мир, в котором можно
Увидеть настоящего творца.
В тот вечер сразу, будто всё стемнело,

Потухли небо, звёзды и луна,
И в непроглядной тьме я шёл несмело,
Прокладывая курс к границам дна.

Куда меня забросит милый ангел,
Где окажусь я через пять минут?
Пусть адмиралы расширяют ранги,
Но не избавиться нам от сердечных пут.
Скорей почувствовал тот мир, чем смог увидеть —
Поднял глаза наверх и замер вмиг:
Одна звезда горела очень ярко,
А от неё шёл луч, который в тень проник.

И вот оно случилось – сон из детства:
Открылась твердь стены передо мной —
О боже, неужели чародейство,
Свершилось это чудо? Нет. Постой.
Я оглянулся медленно обратно —
И снова тьма сгустилась, словно дым.
Да. Вновь вперёд, покуда не закрылась
Вселенная под именем Катрин.

Я сделал шаг в безумное пространство,
И больше уж не думал ни о чем.
То, что увидел дальше, невозможно
Объять формулировкой теорем.
Открылось поле сродни океану,
Везде цветы, каких не видел мир.
Вокруг на поле по меридиану
Порхают бабочки, как радужный сапфир.
Услышал я чарующие трели
Красивых птиц, неведомых нигде —
Боясь ступить ногой в тот край бездонный,
Я поднял руки ввысь. И полетел.

Представьте мир, в котором нет обмана,
В котором нет ни бедных, ни ханжей.
Не существует пьяного дурмана
И стали остроточеных ножей.
Отсутствуют презрения и склоки,
Преграды, козни царственных вельмож.
И лишь одна любовь нектаров соки
Прольёт на всех, как изумрудный дождь.

Дороги нет туда и нет возврата,
Если откроется тот мир внезапно вдруг —
Вы всё поймете сами, когда надо
Понять, что это самый близкий друг.
Вот так, когда-то был я очарован

И понял, наконец, что не один —
Благодаря тому, что волей Божьей
Открыл прекрасную Вселенную Катрин.

Мир непостижный

Переплетением сосудов, артерий, капилляров, вен
Биологической системой запущен мнимый феномен.
Фантазмагорией супротив – за гранью космоса души
Воздвигнут храм, что обескровлен кадилом света и
тиши.

Мир непостижный не подкупен земными веками
эпох —
Он существует лишь незримо, впуская в человека вдох,
Давая жизнь крупикам мертвым в блаженство вечные
века,
Но Анатомией отвергнут, и телом стал – пифос греха.

Мир необъятный не имеет границ в поверии людском,
И то, что в нём благоговееет, измерить можно волоском
—
Где суть сокрыта в малой капле, стекая в образе
любви,
Но мы его совсем не знаем, предпочитая вкус крови.

Монастырь

В травах спелых возле речки малой
В куполах сверканьем златоглавым
Монастырь ветшалости бывалой
Бьёт челом земле поклоном бравым.

Разговее на лепных просторах,
Распростёр храм, взор открыв мирянам,
Древний быт икон в святых хоромах,
Приглашая люд воспеть дялянам.

Триста лет он правдой, верой, скорбью
Утолял печали, гнев, разлуки,
И не раз, омытый бранной кровью,
Брал грехи на вечные поруки.

И давал пристанище убогим —
Всем, кто был отчаян хорониться.
От бесчинств крамолы мыл им ноги,
Призывал их словом защититься.

Отрекались зверостные скифы,
Воины с варяжскими щитами,
Мэры, судьи, ведьмы и шерифы —
Быть в миру, как прежде, сволочами.

А крестьяне ладостно молились
И крестами келью усыпали.
Прокажённые лицом светились,
Когда мощи чистых лобызали.

Ряжен день, хулима ночь капища —
Прихожанам створки раскрывая,
Лавр накормит, напоит до днища,
От невзгод в лихой час укрывая.

И взнесён в устах авторитетом,
Покаянье примет помазаньем —
В Божьем доме дух силён советом,
Искупляя благостным купаньем.

Обитель

Ты была непорочной, я же грязною шлюхой.
Ты – пристанищем светлым, я – навозною мухой.
Ты в отчаяньи смыла всю гуашь на ресницах —
Ну, а мне же хотелось, чтоб в ладонях синица.
Помню чистой, как ангел, и сейчас твою душу —
Ту обитель, что гадко и бессмысленно рушу —
За которую билась всею жизнью страдая,
И, как Герда спасала неразумного Кая.

Так отзовись, глумной шакал.

Иль разорву тебя в мякину,
Как разношёрстную перину —
Но вновь в порыве сознавал,
Что дьявол сам меня ковал
К давно остывшему камину —
То был финал...

Финал. Конец, где всё зависло,
Затёрлось, смылось и пропало,
И моя сущность обнищала —
Лишь тот двойник в муре оскала
Водил лапищей так же быстро,
Из чёрных век бросая искры.

И было холодно и склизко.
И было мутно и низко.
И я дичал...
И вспомнил я о самом близком.
И понял, что был эгоистом.
И зарычал.

А Демон встал и поклонился,
Как будто только что явился
Из дальних стран.
И лик его преобразился,
И показалось – бес влюбился,
Но всё молчал.

И тут, как призрак, растворился
И прекратил,
 растаял,
 скрылся

Мой вещий сон.

Блуждает эхом ответ со смехом —
С противным смехом, обвитым грехом,
И в унисон —
Слова те слышу, что воскрешают
и вопрошают,
суть упрощают —
Не он тот Демон, а ты, Димон.

На аренах нетленного зодчества

Разрыдалась неистово круча,
Испаряясь обильною влагой,
И надрывным безволием муча
Дни последние, ставшие сагой
НабатИма ристалищ затейливых
На аренах нетленного зодчества —
В пирамидах, засыпанных временем,
До Колхиды античного творчества.

Чёрный поэтант

Ломая звуки, чёрство вывернув язык,
Гниль на отшибах сквернословно соскребая
И набивая этой мерзостью кадык —
Он в остроумии хмельном чудил, слагая.

Не умаляя пыл взорвавшихся серпов,
Валил, безбожно наплевав на воплощенья —
В коих молол жестоким смыслом жерновов,
Перефразируя теорию сложенья.

В рукав замыкав козырных вальтов и дам,
Всегда знал выход из благого утешения
И не боялся перекрасить – Аз воздам
И зачерпнуть из лужи горького лишения.

Где короли с тузами потеряли власть,
А двойки, тройки и шестёрки обложались —
Ему давно на это царствие покласть,
И одному дано понять, кем порождались.

И для чего весь тот отстойный сенокос,
В котором духом и карающим намёком,
Втыкая вилы в ухо, глаз и хлипкий нос,
Он вырывал кишки, не жалуя упрёком.

Всего лишь чёрный нелогичный поэтант,
Отброс поэзии, не внемлющей похабству,
Упавший нехристь, загрязнитель, дилетант,
Червяк паршивый, уподобившийся чванству.

Прёт напролом – зачем, что движет чудачком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.